

**ДЖЕЙМИ
ВАРДИ**

Пролог

«Вечеринка у Джейми Варди»

ЯДОСТАЛ банку «Стеллы» из синего пакета, открыл и тут же выпил. На часах — одиннадцать утра. Это был понедельник банковских каникул¹, поэтому центр Лестера был необычайно тихим. Следующие семь часов в мое тело вонзалась татуировочная игла, боль от которой отдавала в ребра, живот, спину и бедра. Я принял четвертую порцию обезболивающих.

На дверях тату-салона «Blue Ink» на улице Белгрейв-Гейт висела табличка «закрыто». Однако меня пропустили, потому что мне было назначено персональное посещение, организацией которого я был озабочен несколько последних недель. Владелец салона Уэс Морган отсутствовал. У него выдался свободный денек после игры накануне, когда он сравнивал счет в матче с «Манчестер Юнайтед». Но персонал тату-салона Уэса

---

¹ Праздник в странах Британского содружества.

принял меня гостеприимно, и я начал потягивать пиво, которое они принесли из магазинчика за углом.

Некоторые прохожие бросали взгляд в окно и видели меня, сидящего в кресле в приемной. А я поглядывал на эскиз татуировки с рисунком карманных часов, который должен был подчеркнуть важное событие в моей жизни — рождение дочери Софии. Я не мог отделаться от мысли, что набросок выглядел более профессионально, нежели мое первое тату, сделанное в чьей-то квартире в Шеффилде за 25 фунтов.

Я снял футболку, вошел в процедурный кабинет. Там я поставил на журнальный столик iPad и, чтобы отвлечься от иглы, стал смотреть матчи «Уолсолла» против «Флитвуда», «Брайтона» против «Дерби», «Бернли» против «КПР»¹ — один за другим, хмурясь от боли.

В этот вечер должна была состояться еще одна игра. Но к ее началу мне нужно было покинуть кресло тату-мастера и вернуться домой. Это была игра «Челси» — «Тоттенхэм» на «Стэмфорд Бридж». После шести вечера Кристиан Фукс и Роберт Хут забрали меня в Мелтон-Мобрей². Тут Интернет разразился новостью: «Вечеринка у Джейми Варди». И это несмотря на то, что на «Олд Траффорд» мы договорились хранить эту информацию в секрете.

Уэс звонил мне днем, интересуясь более планами на будущее, нежели разговорами об обновлении моей татуировки. Капитан хотел удостовериться, что все виновники торжества (игроки «Лестера», тренеры и т. д.),

---

¹ «К П Р» — футбольный клуб «Куинз Парк Рейнджерс».

² Город в графстве Лестершир.

а также съемочные группы СМИ смогут комфортно разместиться, чтобы запечатлеть празднование нашего чемпионства, если «Тоттенхэм» не сможет одолеть «Челси». Мы ведь согласились позволить нескольким репортерам посетить вечеринку. Даже намекнули им: она должна занять все колонки в газетах, поскольку множество людей толпятся около моего дома, вытягивают шеи, пытаясь увидеть, что происходит за стеной.

Внутри дома полдюжины парней слонялись у экрана телевизора на кухне, в то время как остальные устроились в маленькой комнате. Вокруг них были расставлены бутылки пива вперемежку со стаканами виски, чтобы успокоить нервишки. Я лежал на полу, поедая снеки к пиву. Старался лечь так, чтобы новое тату не причиняло много боли. Все были расслаблены, по крайней мере до того, как начался матч. Мы надели футболки «Челси» — и будто сидели в пабе в центре города и кричали судье «прогони его» после каждого фола «Тоттенхэма». Скоро наша расслабленность растворилась в горячем воздухе без следа. Чуть ли не хором мы выругались, когда Гарри Кейн обошел Асмира Беговича и открыл счет. Потом «Шпоры»¹ удвоили свое преимущество к концу первого тайма. Атмосфера в моем доме стала поистине удручающей.

Для парней банковские выходные были испорчены. Мы представляли себе завтрашние заголовки в газетах: «“Тоттенхэм” испортил вечеринку у Варди», мы уже видели газетные колонки, наполненные фотографиями каменных лиц ребят, покидающих мой дом. «Челси»

---

¹ «Шп о р ы» — прозвище команды «Тоттенхэм Хотспур».

был растоптан и похоронен, наши мысли стали уже поворачивать в сторону субботней домашней игры с «Эвертоном». «Мы просто должны закончить дело», — сказали несколько ребят, чтобы поднять боевой дух.

Но через час все изменилось: Виллиан подал угловой, и Гари Кэхилл забил гол в ворота Уго Льориса. Это приободрило нас: «Возвращайтесь в игру!» Неожиданно игра вновь стала боевой. Мы не просто поддерживали «Челси», мы практически играли вместе с командой Гуса Хиддинка. И тут это случилось! Азар повел мяч с левого фланга, обвел несколько игроков, отдал пас Диего Косте, получил мяч обратно и потом... Оххх, черт! Фантастический удар, и — десятый номер «Челси» заколотил мяч в девятку. Весь Мелтон-Мобрей сошел с ума.

Все, кто был в эту минуту в моем доме, бросились врассыпную. Рияд Махрез и Мэтти Джеймс перепрыгнули через лестничную дверку, чтобы присоединиться к остальным — обниматься. Я от радости сделал кувырок от кухни до дивана в комнатке. Этот трюк я не делал с тех пор, как забил гол на открытии чемпионата в игре с «Сандерлендом». Василевский схватил Уэса за лодыжки и таскал его по кухне. Это была настоящая преисподняя!

Лишь спустя минут семь-восемь все собрались в кухне, где съемочная команда наконец-то установила свою аппаратуру. Но и здесь мы стояли неподалеку от телевизора плечом к плечу и, не отрываясь, смотрели на экран, считая секунды до конца матча. Это было похоже на отсчет секунд до Нового года у башни Биг-Бена. «Лестер» выигрывал титул чемпиона впервые за 132 года существования клуба!

Шла шестая минута дополнительного времени, время близилось к 97-й минуте, когда Виллиан отдал на Азара, который лишь коснулся мяча перед финальным свистком. Рефери Марк Клаттенбург просвистел трижды, но мы услышали его только один раз. Комната будто взорвалась, все обезумели. Мы не чувствовали времени, все сошли с ума и начали танцевать в кухне, обнимая друг друга. Телевизионщики подошли ближе, и вспышки фотокамер заполнили комнату. Мы начали петь «Чемпионы! Чемпионы! Оле! Оле! Оле!».

Я просто не мог осознать реальность происходящего, как и все вокруг. Один из парней был в слезах, в то время как второй от радости крутил головой. Некоторые игроки выскочили в сад, чтобы прийти в себя. Но и там лужайка напоминала тюремную площадку, набитую людьми, которые бестолково ходили туда-сюда. Некоторые ребята звонили своим женам и друзьям, остальные твердили себе: «Да, да, это случилось».

Но я не мог поверить в это — как после финального свистка, так и часы спустя, укладываясь спать. Мой «Лестер», считавшийся одним из претендентов на вылет и аутсайдером, стал чемпионом Премьер-лиги.

1

Бело-голубые

*Футбол, футбол и еще раз футбол —
такова была моя жизнь*

ДЭВИД ХЕРСТ. Вот имя. Я не хотел бы быть кем-то еще. Когда я играл в футбол, я мечтал стать легендой, а этот игрок выступал за мой любимый клуб. Дэвид был моим идолом, потому что он делал ровно то, что и хотел делать, — забивал голы за «Шеффилд Уэнсдей». Только он делал это лучше, чем любой из тех, кого я видел. Левая нога, правая нога, скидка головой, удар. Ты только подумаешь, и Херст забивает. Когда-то я хотел повторить все эти голы полностью, с комментариями, у себя на заднем дворе в Малин-Бридж¹ или на автостоянке, что была возле паба через дорогу. Там же находилась и наша «лазалка» — полусферическая конструкция, балки которой образовывали треугольники, по ним лазили дети.

---

¹ М а л и н - Б р и д ж — предместье Шеффилда.

Дэвид мог не знать этого. Он мог бы быть таким же результативным даже на этой маленькой площадке — моем «Хиллсборо»¹.

Мои родители жили через дорогу от паба, в доме с тремя комнатами на Локсли-роуд, куда мы переехали до того, как я закончил учиться в начальной школе Малин-Бриджа. Я часто играл с мячом на стоянке. Играл до наступления темноты в игру «Уэмбли». Она заключалась в том, что я должен был забить гол в любой треугольник лазалки. Гол удваивался, если мяч пролетал через два треугольника, которые располагались в верхней части лазалки.

Эшли Кросс, который жил через пару улиц от этого места и ходил со мной в школу, обычно присоединялся к этой игре с Тимом Стантоном и его братом Беном. Бен был гитаристом в инди-группе «Харрисоны», названной в честь улицы Харрисона, находившейся в двух шагах от паба.

Я почти всегда ношу мою бело-голубую спортивную форму «Уэнсдей», воспроизводя в памяти игры, которые я смотрел на «Хиллсборо». В том самом месте, которое было особенно важным для меня в детстве.

Мой отец начал водить меня на матчи, когда мне было около 5 лет. Матчи проходили на стадионе, у которого была одна из самых больших в Европе одиночных трибун. На ней могло разместиться около 20 тысяч человек. И я никогда даже не думал, что все болельщики Шеффилда сидели на такой огромной трибуне, похожей на террасу, устремляющуюся в небеса.

---

¹ Стадион клуба «Шеффилд Уэнсдей».

Я был настолько мал, что меня поднимали и усаживали на голубые перила. Ничто не сравнится для меня с этим видом. Это было для меня полем чудес. Я смотрел за игрой Джона Шеридана, Джона Харкеса и Найджела Пирсона, которые играли в «Шеффилде» и финишировали на третьем месте в 1992 году в бывшем первом дивизионе.

Я любил эту атмосферу — песни и возгласы, когда «Шеффилд» забивал. Но больше всего мне нравился Херст. У девятого номера «Шеффилда» был сильнейший удар левой ногой. От его удара мяч, летевший со скоростью 144 мили в час, сломал перекладину в Хайбери в 1996 году. Этот удар был самым сильным в истории Премьер-лиги. Всегда, когда мяч был у него, ты ощущал удовольствие от игры. Я, как и все вокруг, ожидал чего-то особенного в этот момент.

Сэр Алекс Фергюсон пытался переманить его в «Манчестер Юнайтед», но Херст провел более десяти лет в Хиллсборо. «Шеффилд» был для него его клубом (каким он был и для меня), и когда он надевал эту знаменитую форму, он играл так самоотверженно, будто от этого зависела его жизнь. Я помню, как однажды он сломал лодыжку в матче против «Арсенала», но продолжил играть и забил потрясающий гол левой ногой. Лежа на поле после окончания матча, он не мог даже двигаться, не говоря уже о праздновании.

Моя одержимость Дэвидом Херстом, «Шеффилдом» и футболом определенно не очень хорошо сказывалась на моих успехах в школе, а также вызывала некоторые проблемы с нашими соседями. На самом деле, спустя

20 лет, я прошу ту несчастную женщину, что жила по соседству с нами, меня простить.

По стрелке улицы стояли четыре дома с общей лужайкой, и я знал, что соседка не любила, когда я там играл в мяч. Мягко говоря, я приуменьшаю. Она ненавидела это и не прекращала кричать на меня. Она прокалывала все мои мячи. Каким же она была ужасным человеком, чтобы делать такое маленькому ребенку!

Однажды она решила поменять окна в доме. Я пробрался на ее участок. Это был настоящий шанс, чтобы расплатиться за все. Окно было разбито до того, как стекольщики начали установку. До сегодня никто не знал об этом — это я кинул кирпич в стекло.

Я понимаю, что это был нехороший поступок, и я беспокоился, что родители узнают о моей проделке. Но для меня гораздо большим преступлением были попытки этой женщины запретить мне играть в футбол, потому что лишь этого я желал с тех пор, как сделал первый шаг.

* * *

Я родился 11 января 1987 года. Первые годы моей жизни я провел на Овертон-роуд, где рос в тени стадиона «Хиллсборо». Этот дом принадлежал моим бабушке и дедушке, Мейвис и Геральду Клевес. Прямая тропинка, ведущая на задний двор, будто была создана для того, чтобы пинать мяч. Она утыкалась в ворота, поэтому я мог спокойно пинать в них мяч, а мяч отскакивал от ворот обратно ко мне.

Позже я начал учебу в Марлиффской начальной школе. Туда я проходил недолго, пока мы не переехали на Холм-лейн и я не перешел в школу Малин-Бриджа. Еще через несколько лет мы переехали на Локсли-роуд, что было в пяти минутах ходьбы от прежнего места проживания.

Я жил с родителями и маленькой сестренкой Лаурой. Моя мама — Лиза — работала в суде, а у папы — Филадельфия — было множество разных мест работы. Он был плотником, после стал инструктором по вождению, потом — оператором строительного крана. Я всегда был близок с моими дедушкой и бабушкой, которые иногда забирали меня на каникулы в Грейт-Ярмут¹ или Скегнесс², где мы играли в гольф и веселились. Меня вырастили в семье рабочего класса. У нас не было много денег, но родители не отказывали мне в некоторых вещах, которые были действительно важны для меня, например футболка «Шеффилда» или новая пара бутс.

Я был счастлив, когда мы поселились в Малин-Бридже. Это был пригород в двух с половиной милях от центра Шеффилда. Его жители были сплоченными, а кругом, куда ни глянь, индустриальный пейзаж — от старой мельницы и банков на реке Локсли до завода Ла-Плата на улице Холм-лейн, работающего с конца XIX века. Когда-то он был домом Бергана и Болла — знаменитых шеффилдских сталеваров.

---

¹ Городок на восточном побережье в 300 км от Шеффилда.

² Вдвое меньший, чем Грейт-Ярмут, городок на восточном побережье в 160 км от Шеффилда.

Я ПОНИМАЮ,
ЧТО ЭТО БЫЛ
НЕХОРОШИЙ ПОСТУПОК,
И Я БЕСПОКОИЛСЯ,
ЧТО РОДИТЕЛИ УЗНАЮТ
О МОЕЙ ПРОДЕЛКЕ.